

СЦЕНАРИИ

В. ТРЕТЬЯКОВА,
библиотекарь РГДБ

“Ты лети, мой конь ретивый...”

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ
ТВОРЧЕСТВУ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (1892–1941)

На экране портрет Марины Цветаевой. Свет в зале слегка затемнен. Звучит лютневая музыка (Н. Нигрино. Ричеркар)

Русское имя Марина означает «морская».
Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.

Так говорила она о себе. И еще сказала однажды: «Я не верю стихам, которые льются. Рвутся – да!» Сказала и доказывала это на протяжении всей своей жизни собственными, рвущимися из сердца строками.

Музыка затихает.

«Четырехлетняя моя Маруся, – записывала в своем материнском дневнике Мария Александровна, – все ходит вокруг меня и складывает слова в рифмы, – может быть, будет поэт».

Как ни странно, но, когда детская забава искать в словах звуковые подобия не исчезла вместе с младенчеством, а перешла в детство и стала выражаться на бумаге в виде стихотворных каракуль, Мария Александровна не на шутку встревожилась. Талантливая пианистка, она упорно и систематически учила Марину фортепианной игре.

«Круглый стол. Семейный круг.

На сервизном блюде воскресные пирожки... По одному на каждого.

– Дети! Берите же!

Хочу безе и беру эклер. Смущенная взглядом матери, опускаю глаза и...

Ты лети, мой конь ретивый,
Через моря и через луга
И, потряхивая гривой,
Отнеси меня туда!

Марина Цветаева. 1911—1913гг.

– Куда – туда? – смеются: мать (торжествующе: не выйдет из меня поэта!), отец (добродушно), ... смеется на два года старший брат и на два года младшая сестра... А я – я, красная, как пион... сквозь закипающие слезы – сначала молчу, потом – ору:

Туда – далеко! Туда – туда! И очень стыдно воровать мою тетрадку и потом смеяться!..»

Маленькая Марина если и не понимала смысла происшедшего за круглым семейным столом, то, во всяком случае, его почувствовала. То была легкая пасмурная тень будущей трагедии – непризнания, насмешек, травли, жестокого забвения... Но и какой отпор судьбе уже в младенчестве! Какое отстаивание своих каракуль! Какая уверенность в собственной правоте!

Стихи она не переставала писать даже тогда, когда Мария Александровна отнимала и прятала от дочери чистые листы бумаги.

И вот в один из московских осенних дней 1910 года из Трехпрудного переулочка, что близ Патриарших прудов, вышла невысокая гимназистка, пересекла у Никитских ворот Тверской бульвар и направилась в Леонтьевский переулок, где помещалась типография Мамонтова. В руках у нее была внушительная стопка стихов, в душе дерзость и нерешительность.

На экране меняется портрет.

В этот знаменательный день Марина Цветаева, которой 26 сентября по старому стилю исполнилось 18 лет, постучалась в двери русской литературы.

Звучит музыка (С.Курехин, тревожная тема из музыки к к/ф «Господин оформитель»).

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! –

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Музыка затихает.

Через месяц она держала в руках неказистую книгу в сине-зеленой картонной обложке под

Марина Цветаева и Сергей Эфрон. 1911 г.

“ТЫ ЛЕГКИ, МОЙ КОНЬ РЕТИВЫЙ...”

Марина Цветаева и Сергей Эфрон.
Коктебель, 1913гг.

названием «Вечерний альбом». Она послала свою книгу В. Брюсову, М. Волошину, в издательство «Мусaget». Это была слишком большая смелость – отправить полудетские стихи Брюсову «с просьбой посмотреть».

Наивная первозданность и непосредственность подкупили читателей «Вечернего альбом». На книгу последовали отклики М. Волошина, Н. Гумилева, В. Брюсова и других, отклики одобрительные и благословляющие на будущие труды.

Цветаева решила бросить гимназию и весной 1911 года уехала в Крым. В Коктебеле, живя у М. Волошина, старшего верного друга, благословившего ее на путь поэзии, она встретила с Сергеем Эфроном. С этого момента закончилось ее отрочество и началась «блаженная юность».

В январе 1912 года Цветаева вышла за Эфрона замуж.

В сентябре того же года у них родилась дочь Ариадна.

«Были мы – помни об этом в будущем, верно, лихом! Я – твоим лучшим поэтом, ты – моим лучшим стихом», написала когда-то Цветаева своей маленькой дочери Але.

Марина Цветаева с дочерью Ариадной.
1915г.

Аля тоже пишет стихи, и, конечно же, о Марине!

Спите, Марина,
Спите, морская Богиня.
Ваше лицо будет скрыто
в небесных морях
Юноши будут давать вам обеты
в церквах.
Спите, Марина,
Спите, морская Богиня...

Звучит музыка (И.С. Бах. Ария с вариациями (Гольдберг-вариации). Вариация № 14).

«Море. Гляжу во все глаза...
Я вся соленая – и башмаки соленые.
Море голубое – и соленое.
И внезапно, повернувшись к нему спиной, пишу обломком скалы на скале:

ПРОЩАЙ, СВОБОДНАЯ СТИХИЯ!

Стихи длинные, и начала я высоко, сколько руки достало, но стихи, по опыту знаю, такие длинные, что никакой скалы не хватит, а другой, такой же гладкой, рядом – нет, и все же мельчу и мельчу буквы, тесню и тесню строки, и последние уже бисер, и я знаю, что сейчас придет волна и не даст дописать...

Я должна дописать до волны, все дописать до волны, а волна уже идет, и я как раз еще успеваю подписаться:

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

– и все смыто, как языком слизано, и опять вся мокрая, и опять гладкий шифер, сейчас уже черный, как тот гранит...»

Музыка обрывается

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть.
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – в след,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни, – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

То было по-настоящему счастливое и безоблачное время. Рядом – обожаемый муж и две удивительные влюбленности в больших поэтов – А. Ахматову и О. Мандельштама.

Стихи Ахматовой Цветаева узнала впервые в 1912 году, прочитав ее книгу «Вечер». И надолго сохранила восторженное преклонение перед ахматовским талантом.

В 1916 году в стихотворении Анне Ахматовой она напишет:

– В певучем граде моем купола горят,
И Спас светлого славит слепец бродячий...
– И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! – и сердце свое в придачу.

Однако поэтические влюбленности не могли заслонить глубины чувства к Сергею Эфрону.

На экране меняется портрет.

«Они встретились, – пишет сестра Эфрона, – 5 мая 1911 года на пустынном, усеянном галькой, коктебельском, волошинском берегу. Она собирала камешки, он стал помогать ей – красивый грустной и кроткой красотой юноша, почти мальчик – с поразительными, огромными, в пол-лица глазами; заглянув в них и все прочтя наперед, Марина загадала: если он найдет и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж!»

Вступает музыка (С. Курехин, лирическая тема из музыки к к/ф «Господин оформитель»).

Конечно, сердолик этот он нашел тотчас же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от ее, зеленых, – вложил ей его в ладонь, розоватый, изнутри светящийся камень, который она хранила всю жизнь...».

Дальше Эфрон пишет, что время после их встречи, до начала мировой войны, было самым счастливым временем в жизни Марины.

Н.Н. Вышеславцев
Портрет Марины Цветаевой.

С.Э.

Я пришла к тебе черной полночью.
За последней помощью.
Я бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих – междоусобица.
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псаря – царствуют.

Кто земель моих не оспаривал?
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил варева,
Не жег – зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я дотла расхищена.
У ворот твоих, царь истинный,
Стою – нищая.

Музыка стихает.

Воспитанный в семье революционных деятелей, Сергей Эфрон сражался против революции в белой Добровольческой армии на Дону. Затем в эмиграции резко изменил свои взгляды, приехал в Советский Союз уже сторонником социализма, но был арестован в октябре 1939 года и погиб в лагерях ГУЛАГа.

Тогда, в счастливые безоблачные дни 1914 года в Коктебеле, Марина Цветаева предскажет трагизм его судьбы:

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал без страха! –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

«...Мне было шесть лет, и это был мой первый музыкальный год в музыкальной школе..., в Мерзляковском переулке, был, как это тогда называлось, публичный вечер – рождественский. Давали сцену.

Скамейка. На скамейке – Татьяна. Потом приходит Онегин, но не садится, а она встает. Оба стоят. И говорит только он, все время, долго, а она не говорит ни слова. И тут я понимаю, что это – любовь: когда скамейка, на скамейке – она, потом приходит он и все время говорит, а она не говорит ни слова... Скамейка, на которой они сидели, оказалась предопределяющей. Я ни тогда, ни потом не

любила, когда целовались, всегда – когда расставались. Никогда, когда садились, всегда – когда расходились. Моя первая любовная сцена была нелюбовная: он не любил (это я поняла), потому и не сел, любила она, потому и встала, они ни минуты не были вместе, ничего вместе не делали, делали совершенно обратное: он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушел, она осталась...

Эта первая моя любовная сцена предопределила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь – обрекла».

Так случилось в детстве. Так случится в ее стихах.

Любовь настолько сильна, насколько трагична. Так чувствовать и любить умеет женщина, любая женщина. И кажется, что стихи эти обо всех и только о тебе.

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вступает музыка (Н. Нигрино. Ричеркар)

Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,-
Жизнь выпала копеечкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать» , – отвечаю.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал – мне.
Мой милый, что тебе – я сделала?

Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступает Любовь,
Там подступает Смерть – садовница.

Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
-За все, за все меня прости,
Мой милый, что тебе я сделала!

Музыкальный акцент.

Я – страница твоему перу.
Все приму. Я белая страница.
Я – хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я – деревня, черная земля.
Ты мне – луч и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!

Музыка стихает.

Анна Ахматова сказала как-то:
«Способных поэтов не бывает! Или поэт, или нет! Это не та работа, когда, вставши рано поутру, умывшись, садишься за стол: дай, дескать, потружусь. Стихи – это катастрофа. Только так они и пишутся».

Это были удивительно живые стихи о пережитом, не просто о выстраданном – о потряшем!...

Период с 1917 по 1922 год оказался необычайно продуктивен. Только за первые три года она написала более 300 стихотворений, поэму-сказку «Царь-девица», шесть романтических пьес, цикл «Дон».

В 1922 году Цветаева получила первое письмо от Бориса Пастернака:

«Дорогая Марина Ивановна!

Сейчас я с дрожью в голосе стал читать Ваше – «Знаю, умру на заре...» – и был <...> перебит волною подкатывавшего к горлу рыдания...

Вы – не ребенок, дорогой, золотой, несравненный мой поэт, и, надеюсь, понимаете, что в наши дни это означает, при обилии поэтов и поэтесс...

Как могло случиться, что, плетясь вместе с Вами следом за гробом Татьяны Федоровны (Скрябиной), я не знал, с кем рядом иду...»

А ей при жизни всегда недоставало читателей. Это очень тягостно и горько быть вот так:

НЕДОПОНЯТОЙ, НЕДОПРИЗНАННОЙ, НЕДОПРОЧИТАННОЙ.

Звучит лютневая музыка (Народная музыка XVI века. Спандольетта)

«Я не прислушиваюсь, а выслушиваю. Так же как врач: грудь...». Она выслушивала грозный, грохочущий мир. Выслушивала, как врач, и ставила собственный диагноз.

Не поняла и не приняла Октябрьской революции. Показалось, что почва выбита из-под ног. Эмигрировала.

В мае 1922 года Цветаева вместе с дочерью попадает в Берлин. Затем были Прага и Франция, где Цветаева прожила тринадцать с половиной лет.

Когда в 1927 году Пастернак спросил в письме Марину, не страдает ли она от своей безвестности в эмиграции и непризнанности, она ответила: «Ты взволновался о славе. О том, что теряю свой « час славы». Есть ли в этом горечь? Досада, пожалуй. И вот почему: когда я пишу, я ни о чем не думаю, кроме вещи. Потом, когда написано, – о тебе. Когда напечатано – о всех... И вот мое глубокое убеждение, что печатайся я в России, меня бы все поняли... Потому что я – много, множественное. И меня бы эта любовь – несла просто – в России сейчас есть пустующее место, по праву – мое...»

Музыка затихает.

Из воспоминаний Ариадны Эфрон:

«Встреча эта произошла в один из канунных дней Марининого отъезда, ранним утром на пустынной еще московской улице. Маяковский окликнул Марину, спросил, как дела. Она сказала, что уезжает к мужу, спросила, что передать за границе. «Что правда – здесь», – ответил он, усмехнувшись, пожал Марине руку и – зашагал дальше.

А она смотрела ему вслед и думала, что оглянься он и крикни: «Да полно Вам, Цветаева, бросьте, не уезжайте!» – она осталась бы и, как

зачарованная, зашагала бы за ним, с ним».

Смена портрета.

Но все-таки в самые трудные дни разлада в семье, когда С. Эфрон все больше принимал все в СССР, когда ее рожденный в Чехии сын тоже мечтал уехать в Россию, она оставалась непреклонной в своем отношении к большевистскому строю: «...Мерзость, которой я нигде не подчиняюсь, как вообще никакому организованному насилию, во имя чего бы оно ни было, и чьим бы именем оно не оглавалось».

Звучит лютневая музыка (Г. Найдзидлер. Чакона)

Из чешских дневников Ариадны Эфрон: «Мы с Мариной – на реке. По воде идут неизвестно куда полуволны, полулябь. Приближаемся к пенным порожкам, проходим под мостом, где гремит эхо. Сырая тропинка между ив, как коридор... Тихо и осторожно, с камня на камень, подбираемся к какому-то дереву, которое Марина заранее уже любит. Вот оно близится, и через две минуты мы сидим на пригорке под ним... Я хочу поговорить с Мариной, но она говорит: «Помолчи, дай послушать воду!»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали.
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Остынет все, что пело и боролось,
Смеялось и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все, как будто бы под небом
И не было меня.

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Марина Цветаева.
Чехия. 1924г.

М. Цветаева с дочерью Ариадной.
Чехия. 1924г.

«ТЫ ЛЕГКИ, МОЙ КОНЬ РЕТИВЫЙ...»

Виолончель, и кавалькады в чаще,
И колокол в селе,
Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле.

К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои),
Я обращаюсь с требованьем Веры,
И с просьбой о Любви.

За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид.

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру.
– Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру.

Музыка стихает.

Летом 1939 года Цветаева приезжает с сыном в Москву. Сразу же на нее наваливается тяжелая весть – арестовали сестру Асю. Живет Марина в подмосковном Болшево с Алей, сыном Георгием, которого они звали Муром, и Сергеем Яковлевичем, который был болен и находился в подавленном настроении.

Цветаева в дневнике отмечает:

«Погреб: 100 раз в день. Когда писать?.. Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез в посудный таз».

И вдруг в августе арестовывают Ариадну, в октябре – Сергея Эфрона.

Марина Цветаева с сыном. 1933 г.

Марина Цветаева. 1941 г.

«Причиной моего возвращения на родину было дать моему сыну Родину и будущность. И желание: работать дома».

А вот более поздняя запись:
«Меня все считают мужественной. Я не знаю человека робче, чем я. Боюсь всего: глаз, черноты, шага, а больше всего себя... Я не хочу умереть, я хочу не быть...»

Из воспоминаний Али Эфрон: «Счастьем

была наша семейная сказка-импровизация, которую Марина и Сережа рассказывали мне перед сном, когда я себя хорошо вела... Это была длинная звериная повесть с приключениями... Начало ее терялось в юности моих родителей и в моем самом раннем... детстве: Сережа замечательно изображал Льва и Обезьяну, Марина – Кошку и Рысь... Издавна и нежно повелось – Марина звала Сережу Львом, Леве, он ее – Рысью, Рысихой...»

Вступает музыка (И.С. Бах. Ария с вариациями (Гольдберг-вариации). Вариация № 14).

«Милая Рысь, так как сегодня твое рождение, поздравляю тебя и забываю все твои обиды. Хоть ты теперь и старая тридцатилетняя рысь, но сидишь еще крепко на спине... Я тебе подарила коробку спичек, свою картинку льва в пустыне, грушу и три тетрадки...»

Музыка постепенно затихает.

Когда началась Великая Отечественная война, пароход по Каме привез Марину Ивановну с сыном в Елабугу 21 августа 1941 года. Остальных же советских писателей поместили на другом берегу, в хороших условиях, в городе Чистополе. Цветаева поселилась в пятистенной избе на улице Ворошилова. Ездил в Чистополь хлопотать о переселении туда и о том, чтобы ей предоставили хоть какую-нибудь работу. В Елабуге встретила как-то Лидию Чуковскую.

– Одному я рада, – сказала та, – Ахматова сейчас в Чистополе. Надеюсь, ей выпала другая участь. Здесь она непременно погибла бы.

– По – че – му? – раздельно и отчетливо выговорила Марина Ивановна.

– Потому что не справиться бы ей со здешним бытом. Она ведь ничего не умеет... Даже в городском быту, даже и в мирное время.

И вдруг увидела, как исказилось серое лицо Марины.

– А вы думаете, я – могу?

В архивной истории всплыл документ, который долго нигде не был напечатан. Легонький листок бумаги – даже не листок – половинка листка, вырванного из школьной тетради:

« В совет Литфонда.

Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.

М. Цветаева. 26 августа 1941 г.»

Места судомойки ей не дали.

На экране меняется портрет.

После ареста Али, после гибели мужа силам пришел конец, а тут, после конца – война, эвакуация, безысходная нищета, унижения, Елабуга...

«Я когда-то умела писать стихи, теперь разочилась...»

«Какая страшная улица...»

«Я ничего не могу...»

«Мыть посуду я еще могу...»

31 августа 1941 года Марина Ивановна Цветаева ушла из жизни.

Ее самоубийство в Елабуге прозвучало как отказ от жизни, откуда ее выбросили.

Звучит музыка (Н. Нигрино. Ричеркар)

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отвел я нецелованный крест,
В щедрое небо рванушь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
– Я и в предсмертной икоте останусь поэтом.

Музыка звучит громче.

Дом в Елабуге, где погибла М. Цветаева.
Снимок начала 60-х гг.

Марина Цветаева

“ТЫ ЛЕГЛА, МОЙ КОНЬ РЕТИВЫЙ...”

Рекомендуемая литература

Федосеева Л. Путь в вечность. – М., Знание, 1992 г.

Павловский А. Куст рябины. – Л., 1989 г.

Эфрон А. О Марине Цветаевой. – М., 1989 г.

Цветаева М. Мой Пушкин. – М., 1981 г.

Саакянц А. Марина Цветаева // Цветаева М.И. Сочинения в 3-х т. – т.1. – М., 1988 г.

Чуковская Л. Бессмертие // Серебряный век. Мемуары./Составителрс Т. Дубинская-Джалилова – М.: Известия, 1990 г.

Музыкальные произведения

Бах И.С. Ария с вариациями(Гольдбер г-вариации).Вариация № 14 / Исполн. Шпигельман Дж., синтезатор « Курцвейль-250»// Бах И.С. Бах в стиле « Нью эйдж».- С60-30189-90

Найзидлер Г. Чакона / Исп. В. Вавилов, лютня // Лютневая музыка эпохи Возрождения. – СМ02059-60

Нигрино Н. Ричеркар / Исп. В. Вавилов, лютня, М. Шахин, орган // Лютневая музыка эпохи Возрождения. – СМ – 02059-60

Народная музыка XVI в. Спандольетта / Исп. В. Вавилов, лютня, В. Буяновский, валторна // Лютневая музыка эпохи Возрождения. – СМ – 02059-60

Курехин С. Музыка к к/ф «Господин оформитель